

Прощание с В.Л. Гинзбургом.

**Колонный зал Физического института им. П.Н. Лебедева РАН
(ФИАН, 11 ноября 2009 г.)**

Стенограмма.

Осипов Ю.С.: Больно сознавать, что наступили дни прощания с Виталием Лазаревичем Гинзбургом - нашим выдающимся соотечественником, выдающимся ученым, ярким просто человеком. Дорогая Нина Ивановна, дорогие родные и близкие Виталия Лазаревича! Примите глубокое соболезнование от Российской академии наук. Виталий Лазаревич не любил комплиментарных слов в свой адрес и, как правило, парировал, фильтровал их своим юмором, своими шутками. Но сегодня и при нем можно сказать, что это был человек чести и долга, с чувством, обостренным, я бы сказал, чувством справедливости и ответственности. Это был человек принципиальный и, все мы хорошо знаем, очень смелый. Его глубокий интеллект и громадный талант, широта интересов и выдающиеся профессиональные достижения прославили наше Отечество, нашу Академию наук. И можно сказать, что вся жизнь Виталия Лазаревича была пронизана поступками, которые и делают человека Человеком с большой буквы. Мы все с вами понесли невосполнимую утрату, но с нами его бесценные творения. Позвольте предоставить слово вице-президенту Академии наук, директору Физического института, академику Геннадию Андреевичу Месяцу.

Месяц Г.А.: Дорогая Нина Ивановна! Дорогие коллеги! Дорогие сотрудники Физического института Академии наук! Нас постигло огромное несчастье: ушел из жизни выдающийся, великий

ученый, может быть, один из последних энциклопедистов-физиков этого и того столетия. Его значения для ФИАН огромно: он создал выдающуюся школу, он одинаково успешно работал на нобелевском уровне и в области сверхпроводимости, и в области физики плазмы, в области радиофизики, физики твердого тела и так далее, и так далее. Он очень живо интересовался делами института вплоть до самой своей смерти. Буквально в пятницу за день буквально до смерти он еще подписывал документы «УФНа», спрашивал, как идут дела. Несколько дней назад мы с ним разговаривали - он интересовался, как идут поправки к Уставу Академии наук. Это было поразительно просто, человек, будучи тяжело больным, так активно интересовался жизнью, спрашивал, что происходит в стране, как относятся к науке, какой будет бюджет и так далее. Я думаю, что дела его, огромное, фантастическое наследие, которое он оставил - это фактически и будет то, почему мы всегда будем помнить и знать о жизни великого физика Виталия Лазаревича Гинзбурга.

-Слово предоставляется академику Келдышу Леониду Вениаминовичу.

Келдыш Л.В.: Виталий Лазаревич оставил неизгладимый след не только в науке - в физике, но и в нашем обществе, и в душах многих людей, которым посчастливилось вместе с ним делать, сталкиваться, в том числе в душах своих учеников. Для меня Виталий Лазаревич, в первую очередь, учитель. С того дня 57 лет назад, когда я впервые пришел к нему на квартиру - в ФИАН тогда не пускали, квартира была вот здесь, через улицу Вавилова, напротив проходной ФИАН, и вот эта встреча, этот день в таком смысле определили всю последующую жизнь. Виталий Лазаревич

не учил нас тому, что надо делать в науке, и как надо делать. Вместо этого он старался каждому помочь найти свое место, свой путь, свой стиль и помочь встать на ноги. Его стилю научиться было невозможно, поскольку это было неповторимо, целиком зависело, или базировалось, основывалось на его удивительной физической интуиции и способности находить необычные, нестандартные подходы и решения. И еще, пожалуй, в нем поражало, может, больше всего именно широта охвата всей науки и его эмоциональность. Вот чему от него можно было научиться, это любви к физике и восхищению тем миром физических явлений и идей, которым он был увлечен сам и передавал своим ученикам. Благодаря вот этому и благодаря широте его интересов он оставил учеников практически во всех разделах современной физики - от квантовой теории поля и космологии до кристаллооптики и физики полупроводников. И благодаря вот этой широте его творческих интересов, а также благодаря широте тематики семинара, который он вел в зале напротив здесь, и широте тематики того журнала «Успехи физических наук», которому он посвятил больше полувека своей жизни, он действительно стал каким-то символом, может быть, последним у нас символом единства физики, того, что физика всё еще несмотря на всё развитие XX века остается единой наукой. Теперь этого символа у нас нет больше. Виталий Лазаревич, в общем, никогда не занимал каких-то высоких должностей. По-моему, единственная его должность на самом деле, такая постоянная была - заведующий теоретическим отделом ФИАН, которую он наследовал от своего учителя Игоря Евгеньевича Тамма, и отдел к этому времени, когда он наследовал, в значительной мере, больше, чем наполовину, состоял из его учеников или учеников его

учеников, которые в большинстве своем работали самостоятельно. И он тоже работал то самостоятельно, то в составе небольшой группы молодых людей. И, тем не менее, его влияние было, конечно, огромно, и вовсе не только в этом коллективе, а гораздо шире, потому что вот в тот зал напротив, где по средам в десять часов утра происходил более сорока лет семинар Гинзбурга, приходили сотни людей каждую среду - то триста, то еще больше бывало, и это, в общем-то, по-видимому, неслыханное явление в мировой науке, я этого не видел нигде - ни у нас, ни за рубежом. То есть бывают, конечно, события, когда собираются и тысячи людей, но это единовременно. А чтобы вот так, из недели в неделю, из года в год, приходили сотни людей, это, в общем, по-видимому, явление совершенно уникальное. И был это действительно «театр одного актера», то есть докладчиков было много, и все мы обязаны были там бывать докладчиками. Но на самом деле люди, конечно, приходили в основном и главным образом для того, чтобы слушать комментарии руководителя семинара, а он комментировал по ходу дела каждый их доклад, и, помимо этого, то, что он за последние дни узнал, или услышал, или увидел, касающееся науки, а иногда и не только науки. И вот этот семинар, которому он уделял огромное внимание и много сил, и «Успехи физических наук», конечно, были мерой его влияния на наше сообщество. Он никогда не забывал о семинаре, и каждый раз, когда он с кем-то разговаривал и слышал что-то новое, какое-то сообщение, он всегда, у него была стандартная совершенно форма: «Вы должны это обязательно рассказать на семинаре». Ну, и если было что-то более общее, то вы должны обязательно об этом написать в «УФН». Помимо вот этого семинара, помимо журнала, он создал еще научные сессии

Отделения общей физики и астрономии, ежемесячно которые проходят и до сих пор. И он очень жалел, что нет возможности заставить членов академии в обязательном порядке являться на эти сессии. А что касается семинаров, то он много раз нам говорил по разным тоже поводам говорил, что «я от вас ничего не требую, делайте, что хотите, но на семинары вы ходить обязаны, единственное, что обязаны». В общем, у него была какая-то неуемная совершенно жажда научной информации, причем не только ее получения - получение научной информации, в общем, скажем, естественно для научного работника - но и ее распространения, то есть, что-то узнав, он как-то считал своим не долгом, наверное, я не могу сказать, что долг, но знакомить как можно большее число людей с этим. По разным другим поводам я слышал от него слова о, скажем, гражданском долге, но о семинаре, о журнале он никогда так не говорил. У меня такое впечатление, что это была его какая-то внутренняя потребность. В общем, я бы сказал, что он был по своей натуре трибун и просветитель. Многие помнят, каким он мог быть прекрасным оратором, эмоциональным оратором, когда ему нужно, а ему это часто очень хотелось, убедить людей в том, во что он сам, что он узнал и во что поверил. И что-то действительно напоминало в нем просветителей эпохи просвещения, которые уверовали в великую силу, неограниченную силу человеческого разума, и в то, что жизнь рано или поздно может и должна быть построена на основе этого разума. Поэтому точно таким же образом и Виталий Лазаревич считал, что людям, обществу нужны знания, в том числе и научные знания, и, наоборот, людям и обществу вредна лженаука. Ну, и про многое другое такое можно сказать - про различные явления, процессы, протекающие,

проходившие в Академии наук или во всей нашей стране. Виталий Лазаревич считал, что если это в какой-то мере кажется ему существенным, то он не может молчать. Он не был наивным человеком, но он был человеком равнодушным, равнодушным ко всему, что казалось ему важным и заслуживающим внимания. От нас ушел замечательный физик и замечательный гражданин, но для всех, кто с ним когда-нибудь сталкивался, он останется, конечно, таким, как мы его здесь видим, каким мы его знали в течение десятков лет, а для меня он всегда останется таким, как я его увидел 57 лет тому назад. Уважаемая Нина Ивановна, поверьте, здесь для многих то, что произошло, это тоже личная утрата.

-Слово предоставляется академику Садовничему Виктору Антоновичу - ректору Московского государственного университета.

Садовничий В.А.: Дорогие родные и близкие! Уважаемые коллеги! Московский университет глубоко скорбит по поводу тяжелой утраты. Виталий Лазаревич был первым студентом в числе первых поступивших в Московский государственный университет в 33-м году на только что образовавшийся физический факультет, и первый выпуск 38-го года. И, видимо, вот эта учеба на физфаке дала ему возможность раскрыться еще одному глубочайшему таланту - он был прекрасный педагог. Здесь говорилось о том, что Виталий Лазаревич блестящий просветитель, но его любили студенты. Всякая встреча со студентами Виталия Лазаревича в Московском университете превращалась в праздник. Он принимал участие в Днях Архимеда, и это такое грандиозное событие для физиков, когда студенты и преподаватели становятся одной семьей, и Виталий Лазаревич, когда принимал участие в этих мероприятиях, всегда был в центре. Получив Нобелевскую премию, мне кажется,

первое его посещение сразу было Московского университета. В большой аудитории 16-24 он встретился с математиками, с Московским математическим обществом. Мне выпало тогда счастье слушать его выступление, и мне как бы бесспорно и казалось, и это следовало, что выступала личность, которую посылает человечеству Бог раз во много-много лет, а, может, и столетий. Он рассуждал о науке, об этике, о результатах, об ответственности ученого, говорил о лженауке, и мне кажется, что вот, по крайней мере, та лекция его в переполненной аудитории - это навсегда должна быть в истории Московского университета. Виталий Лазаревич пришел на физфак, пробыл почти целый день сразу после получения Нобелевской премии, рассуждал о физике, и мне кажется, что мы будем бесконечно благодарны, по крайней мере, за то, что он сделал. Конечно, Московский университет мог бы и больше сделать в те прошлые годы, чтобы впитывать в себя огромный талант Виталия Лазаревича. Это наша вина. Я думаю, что студенты, молодежь всегда будут помнить те высказывания Виталия Лазаревича о фундаментальном образовании, которое он публиковал в «Поиске», в других газетах, говорил студентам. И очень жаль, что мы теряем вот эту основу в образовании, фундаментальность образования, за которую так стоял, так поддерживал Виталий Лазаревич. И, может быть, мы должны вот в память об этом гениальном и выдающемся человеке сделать всё, чтобы не упустить в нашей стране уровень преподавания, конечно, физики, но и других фундаментальных наук. Это, мне кажется, один из заветов Виталия Лазаревича. А студенты всегда будут помнить этого яркого, выдающегося лектора. Пусть земля вам будет пухом, дорогой Виталий Лазаревич.

-Слово предоставляется вице-президенту Российской академии наук Александру Федоровичу Андрееву.

Андреев А.Ф.: Дорогая Нина Ивановна! Дорогие друзья! Для нас, физиков, уход Виталия Лазаревича - это не просто уход великого члена нашего сообщества. Имя Виталия Лазаревича у нас ассоциируется, является символом великой эпохи, великой эпохи физики, науки, великой эпохи, которую можно назвать «золотым веком» науки вообще в мире, не только в нашей стране. И Виталий Лазаревич был одним из самых ярких представителей науки той эпохи. Я вспоминаю самое начало, когда я появился в физике - конец 50-х - начало 60-х годов, семинар Ландау, на котором было много выдающихся физиков-теоретиков. Виталий Лазаревич, безусловно, выделялся, во-первых, тем, что это был очень красивый, Нина Ивановна, и очень яркий человек. Его всё интересовало, он был чрезвычайно активен. Его интересовало всё, особенно физика, но также и вообще наука, и вообще всё на свете. Он сделал много работ в самых различных областях физики - более четырехсот - и много книг написал. Его результаты - это классика физики. Но знаете, как бывает с великими людьми. У него есть одна, с моей точки зрения, особо великая работа. Бывает так: есть великий ученый, а у него есть одна работа, про которую можно сказать, что если бы, кроме нее, у него ничего не было, то он всё равно был бы великим физиком. Эта работа - так называемая «Теория Гинзбурга - Ландау». Формально она относится к сверхпроводимости, но эта работа в физике является, ну, вот такой великой работой, которая чрезвычайно важна во всех областях физики - и в теории элементарных частиц, что выяснилось совсем недавно. И надо сказать, что чем дальше, тем она приобретает всё большее и

большее значение. И сейчас мы это наблюдаем, хотя эта работа была сделана в 1950-м году. Нам, конечно, будет тяжело без Виталия Лазаревича. Но в течение многих лет, а он прожил большую жизнь, все мы, члены Физического сообщества, в каком-то смысле считаем себя его учениками, и я надеюсь, что несмотря на его уход мы выживем благодаря тем великим генам, которые он в нас заложил. Прощайте, дорогой Виталий Лазаревич.

-Слово предоставляется академику - секретарю Отделения физических наук, академику Виктору Анатольевичу Матвееву.

Матвеев В.А.: Дорогая Нина Ивановна! Дорогие друзья, коллеги! Наше Физическое отделение, Отделение физических наук глубоко скорбит в связи с потерей одного из своих ярчайших, выдающихся членов. Надо сказать, что физическая наука нашей страны и мировая наука понесли действительно тяжелую и невозполнимую потерю. От нас ушел поистине выдающийся ученый, который внес крупный, основополагающий вклад в целый ряд направлений современной теоретической физики, в решение проблем и фундаментальных, и прикладных исследований, и проблем безопасности страны, что крайне важно. И академик Виталий Лазаревич Гинзбург был человеком и ученым такого масштаба, который шел вровень с масштабом века - этого нашего века и его века, века больших, знаменательных открытий в науке и, конечно, больших общественных сдвигов. И вот именно имея в виду ученых такого масштаба, иногда люди говорят, что в нашей стране ученый всегда больше, чем ученый. Мы все знаем, какую огромную роль Виталий Лазаревич сыграл в деле сохранения нашей Российской академии наук, в сохранении как ее основополагающих принципов, так и моральных принципов, и надо сказать, что,

конечно, убежден, что имя Виталия Лазаревича Гинзбурга будет навечно внесено в число наиболее выдающихся деятелей нашей Академии наук и нашего Отделения физических наук. Мне хочется, дорогая Нина Ивановна, от имени всех членов нашего Отделения физических наук, от сотрудников Института ядерных исследований, который тесно был связан с деятельностью Виталия Лазаревича и благодарен ему в значительной степени за очень многие наши научные контакты и сдвиги, выразить глубокие соболезнования вам, родным и близким, всем сотрудникам Физического института имени Лебедева. И память, светлая память о Виталии Лазаревиче Гинзбурге, об этом неординарном, ярком человеке и крупнейшем ученом мира и России, она всегда будет жить в наших сердцах.

-Слово предоставляется заместителю председателя Государственной думы Владимиру Вольфовичу Жириновскому.

Жириновский В.В.: Я хочу сказать несколько слов самого глубокого соболезнования и выразить семье и всем коллегам от имени всех депутатов Государственной думы. Сейчас идет очередное пленарное заседание, но я счел своим долгом здесь находиться с вами, и отрадно сознавать, что ученого хоронят из того института, где он проработал со дня основания. Это его дом, его институт. И я запомнил Виталия Лазаревича, когда он несколько лет назад выступал на одной общественно-политической дискуссии, там шла речь о некоторых религиозных моментах. Я даже не думал, что этому великому ученому тогда уже было, видимо, 90 лет, он не уступал другим, куда более молодым участникам дискуссии, и честно и открыто заявил свою позицию атеистическую. Люди могут верить, и много конфессий, но ученый хотел сказать, что есть и ученые-атеисты. Это тоже запомнилось, поскольку не все

осмеливаются высказывать вот такие позиции в формате всей страны и даже всего мира. Конечно, это выдающийся ученый-гений, и его вклад просто, наверное, еще не измерен, и не только для страны, но и в мировом масштабе, раз ему была присуждена Нобелевская премия как выдающемуся ученому-физику, и это самое важное направление. Это не просто, мы хороним великого ученого, но всё прошлое, настоящее и будущее за физикой. У нас могут быть самые героические солдаты, но если не будет средств обороны страны, в создании которых и принимал участие, в том числе, и Виталий Лазаревич, то героизм этих солдат не принесет успеха нашей стране и в любом другом, в любом возможном вооруженном конфликте. Поэтому вот одиночки-гении, они имеют огромное значение, и именно в этой области сферы - физика. В нашем городе есть такое звание - «Почетный гражданин города Москвы». Я много видел «почетных гражданов». Они хорошо поют и могут, пляшут. Но я считаю, что вот такие вот Виталии Лазаревичи более достойны такого высокого звания, когда их вклад позволяет развивать страну. Те, кто поют, их очень много, и их вклад не может быть таким важным и решающим. И я буду, мы будем стараться сделать, чтобы появилось звание «Почетный гражданин России». Вот такие, как Лазаревич, - это лицо страны, это гордость, это то, чем мы можем гордиться, и здесь никто не сможет с нами спорить, и я уверен, что ученые всего мира по достоинству всегда оценят вклад ученых России. Это наше поколение, потому что его мама умерла от тифа, и у нас у многих, если вы вспомните, где-нибудь бабушки, дедушки. Это была страшная болезнь. Сегодня это уже легче - «свиной грипп». Но это поразило тогда поколение. Виталий Лазаревич прожил просто замечательную жизнь. Это скорбно, что он ушел из

жизни, но в наше время в России дожить до 93-х лет - это тоже своего рода такой биологический героизм. Поэтому я очень хочу, чтобы все ученые России знали, что депутаты Государственной думы, вся высшая власть в нашей стране должны и в будущем оказывать огромное внимание и создавать все условия для развития науки. Только наука может двигать вперед, обеспечивать развитие нашей страны. Поэтому хотелось бы, чтобы вот память о Виталии Лазаревиче - это были не только учебники по физике для всех студентов России. Это огромная страница всей истории науки, но это и история страны. Великий гражданин ушел от нас в эти вот ноябрьские дни, поэтому мы скорбим, еще раз выражаем самые глубокие чувства соболезнования вам, семье, и вам, Нина Ивановна, и всем ученым, и я это делаю от имени высшего органа Государственной власти. Самое последнее я хочу сказать. Когда я видел несколько лет назад растяжки по городу «100 лет мясокомбинату имени Микояна», я бы хотел, чтобы городские власти вывешивали растяжку, когда бывает юбилей - 90, 80 лет - великим ученым, которые проживают в городе Москве. Мясокомбинат подождет, а вот чтобы москвичи знали, что такой есть в городе Москве, живет великий ученый, и ему 90 лет, вот юбилей - это было три года назад - это нужно делать. Поэтому мы постараемся компенсировать вот такую вот, может быть, ущербность в оценке великих людей России. Таким был и навсегда останется Виталий Лазаревич Гинзбург. Спите спокойно, Виталий Лазаревич, вы сделали больше, чем десятки миллионов граждан России. И эта память - золотая память. Всё, что вы сделали - это золотой фонд России, и Россия всегда будет вам гордиться.

-Слово предоставляется академику Фортову Владимиру Евгеньевичу - академику-секретарю Отделения энергетики, механики и процессов управления.

Фортов В.Е.: Уважаемая Нина Ивановна! Уважаемые коллеги, друзья! Через несколько минут мы навсегда простимся с Виталием Лазаревичем. Уйдет от нас человек удивительного масштаба, удивительной энергии, удивительных научных результатов и удивительного гражданского такого мужества, которое сейчас всё реже и реже встречается, к сожалению, у наших коллег. Я хочу поблагодарить Виталия Лазаревича вот в эти последние минуты за то многое, что он сделал для молодых физиков, и сколь много он сделал для того, чтобы физика стала в нашей стране наукой, которая притягивает талантливых людей, она является как бы таким магнитом, и человек, который приближается к этой науке и начинает работать в ней, он испытывает совершенно непередаваемое ощущение такого очарования тем, что в ней происходит, и как интересно он описывает явления. Семинар его, я уверен, для тысяч и тысяч физиков был таким... действительно большой школой, большой школой профессиональной и школой человеческой, потому что принципы вот такой глубокой демократии, когда любой аспирант мог задать любой вопрос и спорить с маститым академиком невзирая на его какие-то регалии, там проповедовался в полной мере. В полной мере проповедовалась и острая гражданская позиция. И хоть специально вопросы не обсуждались вот в этом кругу, на семинарах, тем не менее, по подходам, по очень остроумным и таким острым репликам было ясно, на чьей стороне находится руководитель семинара и его ближайшие коллеги. Очень много людей - я думаю, что это десятки

тысяч - будут навсегда помнить Виталия Лазаревича как человека, который пригласил их в физику, как человека, который задал очень высокий уровень моральной планки для других людей, и человека, который очень смело боролся с уродливыми явлениями, которые окружают нас и окружали раньше - с бюрократизмом - он не выносил этого, с формализмом, с некомпетентностью. Мне казалось, что хуже всего это, когда вот на семинаре где-то Виталий Лазаревич дает понять, что данный доклад научно не вполне понимается. Я еще хочу сказать, что он чрезвычайно много сделал для обороны. Это не очень, может быть, известно, но вторая идея создания водородной бомбы в приемлемых габаритах как раз принадлежит Виталию Лазаревичу: он предложил использовать литий как топливо уже термоядерной ступени заряда, и это, в общем, очень красивое и элегантное такое изобретение, может быть, техническое, но оно, собственно говоря, перевернуло всю ситуацию, и ядерное оружие после этого стало транспортабельным, потому что перед этим речь шла об очень серьезных, больших, не транспортабельных, конечно, устройствах. Поразительно, что, он мне сам рассказывал, что узнал он про это случайно, что эта идея пошла в дело, потому что к нему приехала какая-то родственница или родственник с Урала, и она стала рассказывать или он стал рассказывать о том, чем он занят на химическом комбинате. И выяснилось, что, собственно, занят он приготовлением вот этого самого лития, который придумал Виталий Лазаревич. И мы должны за это быть тоже очень благодарны этому светлomu человеку. Он ушел от нас, и, конечно, образовалась пустота, и эта пустота, я думаю, что очень у многих людей, она останется этой пустотой до конца наших дней, потому что такой человек не может быть как-то

заменен, а память о нем останется вечно. Спасибо и спите спокойно, Виталий Лазаревич.

-Слово предоставляется академику Александру Викторовичу Гуревичу - ученику Виталия Лазаревича.

Гуревич А.В.: Дорогая Нина Ивановна! Дорогие родные Виталия Лазаревича! От нас ушел исключительный человек вообще. Это был не просто талантливый физик, а особый физик. Он был еще и очень доброжелателен, особо внимателен к разным научным проблемам, может быть, даже иногда и к личным. Виталий Лазаревич оставил после себя огромное научное наследство. Многие из направлений, которые он развивал, они живут и будут жить всегда. Вместе с тем, главным, может быть, а, может быть, и, во всяком случае, он так сам считал, было для него передача знаний, быстрое собирание, что ли, всех сведений и передать их молодым, передать на семинаре сотрудникам научным, передать студентам. Вот это было в нем как бы главной целью. Он часто повторял это. Мне хочется сказать, что Виталий Лазаревич был человеком добрым, теплым в известном смысле для тех, кто имел счастье общаться с ним близко, и хочется пожелать ему, чтобы всё наследие его оставалось, употреблялось и двигалось так же. Спите спокойно, Виталий Лазаревич.

-Слово предоставляется академику Литваку Александру Григорьевичу - директору Института прикладной физики, Нижний Новгород.

Литвак А.Г.: Уважаемая Нина Ивановна! Уважаемые коллеги и друзья! Уход Виталия Лазаревича - это очень большая, неоценимая потеря для мировой и отечественной науки, но эта потеря очень глубокий и персонифицированный характер носит для

нижегородских физиков. Дело в том, что мы считаем Виталия Лазаревича одним из основоположников известной нижегородской школы радиофизики, которая и сегодня работает на достойном уровне. Так случилось, что в 1945-м году Александр Александрович Андронов и Мария Тихоновна Грехова, основав первый в стране радиофизический факультет, пригласили Виталия Лазаревича преподавать там, и с 1945-го года по 1966-й - 20 лет - он по совместительству работал в Горьком, сначала первые десять лет, потому что его жена Нина Ивановна была в ссылке в Горьком тогда, а потом еще десять лет после того, как ей разрешили, уже ее реабилитировали и жить разрешили в Москве, он продолжал работать у нас, будучи заведующим кафедрой на радиофизическом факультете, заведующим отделом в Научно-исследовательском радиофизическом институте и главным редактором журнала «Известия вузов. Радиофизика». Этим журналом он руководил более 35-ти лет. И поэтому он регулярно «бывал в Нижнем» - теперь мы так говорим, его приезды были несколько раз в году по три дня, и каждый этот приезд был настоящим праздником, фестивалем науки. Он читал лекции для студентов и преподавателей, научных сотрудников по самым актуальным проблемам физики, он устраивал на семинаре пересказ наиболее значительного, того, что было у него на семинаре в ФИАНе, и, кроме того, его ученики, а у него было очень много учеников, аспирантов, и среди его нижегородских учеников - академик Владимир Васильевич Железняков, член-корреспондент Александр Александрович Андронов и много других людей с учеными степенями. Все посетители его семинаров тоже в той или иной мере относят себя тоже к ученикам Виталия Лазаревича. Последний раз он был у нас пять лет назад на

международной конференции «Рубежи нелинейной физики», где в возрасте 88-ми лет он прочитал два часовых доклада. Один - он повторил свою нобелевскую лекцию, а второй - его знаменитая лекция о проблемах физики XXI века. И можно было только удивляться, с каким энтузиазмом он читал эти лекции несмотря на возраст и некоторые проблемы со здоровьем. И вообще надо сказать, что то, что вот тот энтузиазм, его увлеченность наукой, они заражали, и благодаря вот этой увлеченности, ее демонстрации публично - среди студентов, научных работников - очень многие люди именно сделали тот выбор. Сегодня мы прощаемся с Виталием Лазаревичем, и мы хотим сказать, что мы будем достойно нести тот факел науки, который он столь достойно нес в своей жизни. Спите спокойно, Виталий Лазаревич.

-Слово предоставляется президенту Российского еврейского союза Юрию Исааковичу Канеру.

Канер Ю.И.: Российско-еврейского конгресса. Уважаемая Нина Ивановна! Уважаемые родственники, и коллеги, и друзья Виталия Лазаревича! Еврейская община России вместе со всем российским народом скорбит по поводу кончины Виталия Лазаревича. Как уже говорили сегодня, он был не только великим ученым, он был и гражданином, человеком с большой буквы. С момента создания Российско-еврейского конгресса Виталий Лазаревич был членом президиума Российско-еврейского конгресса. Тот уровень дискуссий, тот уровень человечности, уровень гражданской ответственности, который он внес в работу президиума Российско-еврейского конгресса, задаст тон существованию самого Российско-еврейского конгресса и уровню его работы на многие

годы вперед. Мы гордимся тем, что были его коллегами так же, и что мы жили с ним в одно время. Мир праху его.

-Слово предоставляется академику Садовскому Михаилу Виссарионовичу - Институт электрофизики, Уральское отделение.

Садовский М.В.: Дорогая Нина Ивановна! Я, конечно, должен сказать несколько слов глубокого соболезнования от ученых Урала и от сотрудников Уральского отделения Российской академии наук. Но главное, я, конечно, буду говорить не об этом. Мы все понимаем, что мы потеряли абсолютно уникального человека. Тут уже было сказано, что Виталий Лазаревич никогда не занимал высоких должностей. Но я думаю, что я не погрешу против истины, если я скажу, что в последние десятилетия в значительной мере Виталий Лазаревич олицетворял собой всю Российскую академию наук. И вот как человек абсолютно принципиальный и безжалостный к проявлениям лженауки, как человек, всегда занимавший принципиальную позицию по многим общественным вопросам, я думаю, что я не ошибусь, если я скажу, что в значительной мере мы потеряли человека, который олицетворял собой совесть Российской академии наук. Для нас многих здесь это, конечно, и личная потеря, потому что, ну, вот и я считаю великой честью, что я отношусь к той когорте людей, которые сложились как физики-теоретики на знаменитом семинаре. Вот 38 лет назад я первый раз увидел Виталия Лазаревича и с тех пор имел счастье с ним общаться и по научным, и не по научным вопросам в связи с разного рода деятельностью. И вот характерной чертой Виталия Лазаревича было то, что он был, конечно, абсолютно доброжелательный человек, он на дух не выносил вот всяких жуликов или тех, кого он числил лжеучеными. Но если он понимал,

что он разговаривает с человеком, который честно и верно занимается наукой, ему дальше уже было совершенно всё равно, общается он с аспирантом или с академиком. Вот это совершенно точно, это я на себе проверил. И, конечно, Виталий Лазаревич был человек очень разносторонний: у него было много разных и увлечений, так сказать, он много чем интересовался. Нельзя сказать, что, кроме науки, для него ничего не существовало, но наука для него, тем не менее, конечно, всегда имела абсолютное первенство и стояла на первом месте. Я просто никогда не забуду и всю жизнь буду помнить, как в любой свой приезд в Москву вот при первой же встрече где-нибудь в коридоре тут, в отделе, он сразу спрашивал: «А, привет! А вы откуда? Вы вот оттуда-то приехали? А что нового вы узнали? Расскажите, чем вы занимаетесь, что вы делаете». И вот, ну, буквально последний раз я с ним общался у него дома вот в мае месяце, и тоже разговор-то шел в основном вот на такую тему. Теперь. Виталий Лазаревич... Ну, его работы - тут упоминалась и знаменитая работа с Ландау, и вторая идея о водородной бомбе. Но, конечно, последние десятилетия жизни у Виталия Лазаревича любимая идея, любимая деятельность была связана с высокотемпературной сверхпроводимостью. И тут уж точно до последних дней жизни он об этом думал и всячески пытался эту деятельность поддержать и ей способствовать. И, так сказать, надо надеяться, что эти идеи и эта поддержка еще очень долго будут чувствоваться в нашем сообществе. Но для него наука, любая наука всегда имела первенство. Вот могу вспомнить такой эпизод. Вот так получилось, что известие о присуждении ему Нобелевской премии пришло минут за двадцать до начала семинара, на котором как раз я должен был выступать. Ну, и я не скажу, что Виталий Лазаревич,

так сказать, не обратил внимания на этот факт, так? Но, тем не менее, после этого мы пошли вот в актовый зал, в конференц-зал, и он шел слушать доклад. И он участвовал в семинаре, он начал комментировать доклад, но потом появилась пресса в больших количествах, которая мешала и докладчику, и всем участникам семинара, и Виталию Лазаревичу, конечно. И дальше произошло то, чего, наверное, не было никогда, то есть он, конечно, минут двадцать это всё терпел, потом, так сказать, плюнул и сказал: «Ну, я вынужден уйти». И, наверное, это был единственный случай в его жизни, когда он ушел с семинара. Других примеров, ну, я не видел, не знаю. То есть это был человек, абсолютно преданный науке, и это был человек, ну, такие люди появляются раз во много десятилетий и раз в столетие, и вообще бессмысленно говорить. Таких людей просто и не было, и больше не будет - он абсолютно уникален. Мы навсегда запоем Виталия Лазаревича и то счастье, которое мы получили, общаясь с ним.

-Слово предоставляется академику Иоффе Борису Лазаревичу - Институт теоретической и экспериментальной физики.

Иоффе Б.Л.: На протяжении всех 60-ти лет, в течение которых я знал Виталия Лазаревича, он был световым лучом, освещавшим всё наше научное пространство. И в круг света, освещенного этими лучом, не рисковала высунуться всякая нечисть. Ей приходилось прятаться по темным углам. И мы все, вся наука были, тем самым, защищены и прикрыты. Теперь этой защиты нет. И плохо, очень плохо. Прощай, Виталий Лазаревич.

-Слово предоставляется члену-корреспонденту Российской академии наук Евгению Григорьевичу Максиму - ученику Виталия Лазаревича.

Максимов Е.Г.: Ну, прежде всего, я хочу выразить мои глубокие соболезнования Нине Ивановне, родным, близким и нам всем. Сегодня мы хороним и потеряли не просто выдающегося человека, не просто выдающегося ученого. Сегодня, мы должны это осознать, мы хороним целую эпоху - эпоху, когда наука была средством познания истины, когда она была не просто движущей силой, хотя Виталий Лазаревич, в общем-то, никакого презрения к науке как к движущей силе не выражал. Здесь уже говорили о его достижениях в этой науке как движущей силе, связанной с гидридом лития и прочее, но главная его мысль, главное, о чем он думал, что он любил, это была наука как средство постижения истины. К сожалению, в наше время превращается в менеджмент, в бизнес и просто в воровство. Единственное, что утешает, это то, что я от него слышал уже, когда он был даже болен, когда кто-то - не я - сказал ему примерно то, что, покажется вам, сказал и я, что наука погибла, на что Виталий Лазаревич сказал: «Бросьте дурака валять. Во-первых, наука погибнет тогда, когда погибнет человечество. Среди человечества всегда найдется хотя бы один, два, три, а за ним и остальные потянутся, которые эту науку не дадут убить». И нам всем оставшимся - его ученикам, тем, кто работал с ним, тем, кто знал его - нужно тянуть свою лямку и деятельностью своею, воспитанием подрастающего поколения не дать убить и погубить науку. Мы обещаем вам, Виталий Лазаревич: в меру своих сил мы это постараемся делать. Спите спокойно.

-Слово предоставляется Марии Сергеевне Аксентьевой - заместителю главного редактора «Успехи физических наук».

Аксентьева М.С.: «Дорогие трудящиеся», как, слегка иронизируя, сказал бы Виталий Лазаревич. Он так всегда говорил по

средам на семинарах, потому что все, кто занимались наукой и вообще делали что-то хорошие, были трудящиеся. И сегодня для меня здесь, в этом зале, всё неестественно. Сегодня среда. Гинзбург не может быть таким спокойным, невозмутимым и безучастным. Он не такой. Гинзбург - это явление природы. Вот бывает стихия огня, воды. Это была стихия интеллекта, уникальная стихия. Этот интеллект жил до последней секунды. В пятницу вечером, когда я принесла в шесть часов интервью Виталия Лазаревича, которое он дал журналу «Physics World», - а он хотел сказать миру физики и всему миру свои последние слова - там есть его символ веры. Он написал о том, что светлое будущее человечества он видит исключительно на пути науки и прогресса. Спрашивали его о религии. О религии можно было спорить с Виталием Лазаревичем, разрешалось особенно дамам. У дам вообще благодаря Нине Ивановне были преимущества - Нина Ивановна, спасибо вам - нам можно было иметь заблуждения, спорить. И Виталий Лазаревич, он для меня на уровне даже не просветителей - на уровне ветхозаветных пророков. Готовя нобелевскую презентацию, мне очень хотелось схулиганить. Последний слайд у меня был сделан - портрет Виталия Лазаревича, а рядом с ним - портрет пророка Исаяи. И я только недавно узнала, что, оказывается, иконография имела какие-то основания: и фенотипически они похожи. Это был пророк Исайя, который громил общество гробами повапленными. Все помнят: он иногда так ругал и..., ну, окружающих, кто что-то не мог сделать. Виталий Лазаревич считал, что сделать можно всё, и совершенно необходимо. И сейчас не хочется говорить «Виталий Лазаревич, светлая Вам память», потому что Вы - человек дела. Мы должны что-то делать. Эти дни никто никого ни о чем не просил, но

в редакцию шли воспоминания, шли слова Нине Ивановне соболезнования. И сегодня каждый прощается со своим Виталием Лазаревичем. У каждого из нас в жизни есть какой-то удивительный кусок, связанный с ним. И знаете, это нельзя забыть, в эти дни сейчас каждый об этом вспомнил. Напишите к нам, мы это оставим. Каждый вспоминал, как он его повернул на пути науки, на пути жизни, на пути истины. И мы договаривались с Виталием Лазаревичем, что мы еще доспорим с ним. И мне хочется в это верить. Светлая память.

-Слово предоставляется профессору Цытовичу Вадиму Николаевичу - Институт общей физики.

Цытович В.Н.: С Виталием Лазаревичем меня связывает очень многое и большая работа. В общем, мы выпустили и статьи, и книги и так далее. Но я хочу сказать о том, что никто не говорил так, и никто не подчеркивал, может быть, что нам оставил Виталий Лазаревич. В первую очередь, он оставил нам отношение к науке. Научные результаты не могут быть хорошими научными результатами, если к ним авторов не относится порядочно. Порядочное отношение означает, что каждый автор и он сам всегда был самым большим критиком своих собственных работ, ученый, который что-то сделал, он переступил грань неизвестного, и там всё неизвестно. И он должен со всеми обсуждать это. И в этом пункте порядочность играет колоссальную роль. Ученым может быть только человек высокопорядочный. И вот это качество Виталия Лазаревича - высокая порядочность во всем, в частности, к своим собственным работам, к своим научным исследованиям, меня поразила, когда я познакомился еще студентом с первыми его работами, когда был еще студентом третьего курса. И с тех пор, с

59-го года, мы с ним... я выступал на его семинарах, с 59-го года я в ФИАНе, и с 73-го года мы по 84-й писали много работ и обсуждали непрерывно. И это вот его качество - критическое отношения к своим собственным результатам, критическое отношение к своему собственному написанию - книги и так далее - это внутренняя порядочность, которая должна быть присуща ученым, не только ученым, а, наверное, и в любой другой области. К сожалению, не во всех областях это наблюдается, особенно, может быть, в политике не наблюдается. Но Виталий Лазаревич оставил нам наследие. И основной пункт этого наследия: «Быть высокопорядочным. Тогда вы сможете стать хорошим ученым». Вот это самое основное, что я, во всяком случае, вынес из контактов с Виталием Лазаревичем, а контакты были непрерывные: 50 лет со времени, когда я поступил в ФИАН, до сегодняшнего - прошло 50 лет. Дорогая Нина Ивановна и дорогие все присутствующие! Будем помнить все заветы Виталия Лазаревича и в особенности всё то, что он в нас внес, в наше внутреннее состояние как ученых, как людей, как сотрудников института. И это всё, что я хотел сказать, да.

-Слово предоставляется академику Панченко Владиславу Яковлевичу - председателю Фонда фундаментальных исследований Российской Федерации.

Панченко В.Я.: Уважаемые родные, близкие, коллеги, друзья! Позвольте мне от имени вот Российского фонда фундаментальных исследований высказать глубочайшее соболезнование по поводу невосполнимой утраты: у нас ушел Виталий Лазаревич Гинзбург. Уже было сказано очень много слов. Несомненно, все слова пронизаны скорбью, болью. И этих слов всё равно мало. Всё равно то, что мы говорим, будет неполно, и сейчас мы об этом будем и

должны говорить еще долгие и долгие годы, потому что тот дух из высочайшего уровня исследования, тот дух просветительства, который внес в наше сообщество - не только в теоретическую физику, но и в целом в научное сообщество - Виталий Лазаревич Гинзбург, я думаю, так сильно пропитало наше сообщество, и я надеюсь, что долгие годы будет питать нас своими мыслями, самым своим отношением к делу - высокопрофессиональному и очень честному. Я еще раз всем выражаю глубокое соболезнование. И пусть земля вам будет пухом, Виталий Лазаревич.

-Слово предоставляется члену-корреспонденту Российской академии наук Камилову Ибрагим-Хану Камиловичу - директору Института физики, Махачкала.

Камилов И.-Х.: Дорогая Нина Ивановна, близкие, родственники Виталия Лазаревича! Уважаемые коллеги! Меня дагестанские физики командировали на это печальное событие и просили передать глубокие соболезнования всем вам, институту, Физическому институту Академии наук. И я очень благодарен то, что работал в той области, которую он назвал проблемой номер один в современной макроскопической физике - это фазовые переходы и критические явления, где фактически в области которой Виталий Лазаревич получил Нобелевскую премию. И я знаю, что Виталий Лазаревич глубоко уважительно относился не только к московским физикам, но и физикам, находящимся далеко от Москвы, и, в том числе, и ко мне. Я глубоко благодарен ему за поддержку. Виталий Лазаревич был скромным человеком и всегда говорил, что «я плохо пишу и плохо говорю». Я считаю, что Виталий Лазаревич великолепно говорил, великолепно выступал, великолепно писал и великолепно творил. Вот помню, однажды я

обсуждал с ним вопрос о конвенции куперовских пар в сверхпроводниках при наличии градиента температуры, и его работа предсказывала значительный максимум теплопроводности в этой области. Но я когда сказал ему, что наши эксперименты не подтверждают такую величину максимума конвекции куперовских пар, Виталий Лазаревич опубликовал уже другую работу, где в дроби «отношение общей теплопроводности к куперовской оказалось, что он забыл поставить квадрат в этой дроби, и после того, как этот квадрат был поставлен, эксперимент и теория, мне кажется, практически сами качественно совпали. Я выражаю еще раз глубокое соболезнование. Я много раз встречался с Виталием Лазаревичем и оставил глубокое впечатление, которое мы не забудем. Спасибо. Светлая память.

-Слово предоставляется академику Пустовойту Владиславу Ивановичу - КБ аналитического приборостроения.

Пустовойт В.И.: Глубокоуважаемая Нина Ивановна! Глубокоуважаемые родственники! Сегодня нет слов, которыми мы могли бы выразить ту скорбь, которая всех нас охватила. Виталий Лазаревич Гинзбург сыграл в роли каждого из нас и в моей жизни в частности очень заметную роль. Я был многие годы у него аспирантом, я учился у него, и вот эта бриллиантовая структура, кем был Виталий Лазаревич, который имеет много граней таланта, и все мы были в блеске этих прекрасных качеств Виталия Лазаревича. Я должен сказать, что Виталий Лазаревич отличался не только глубоким научным чутьем, что не многим дано, но и бесконечной честностью, бесконечной принципиальностью в науке. И это было примером для каждого из нас. Я сошлюсь лишь на один пример, что в этом зале в 63-м году я рассказывал одну из работ, присутствовал

тогда и Юрий Васильевич, присутствующий здесь, Гуляев. И Виталий Лазаревич сказал: «Слава, так вот публикуйтесь вместе». И он давал дорогу в жизнь многим нашим работам. И если посмотреть на те публикации, которые были сделаны вот в те старые, добрые годы, то в каждой из них с моей стороны и моих учеников была благодарность Виталию Лазаревичу за то, что он руководил семинаром московским. Это был семинар не только ФИАНовский - это был московский, а, по существу, ну, во всей советской стране это был единственный семинар, где шло принципиальное, но сколь и принципиальное, столь и благожелательное обсуждение научных результатов. И последнее слово всегда было за Виталием Лазаревичем. И если он скажет что-нибудь хорошее, то это была путевка в жизнь. Дорогой Виталий Лазаревич! Нам всем очень будет вас не хватать. Мы очень скорбим и своим трудом постараемся так, чтобы память о вас была очень-очень долгой. Спите спокойно. Пусть земля будет пухом.

-Слово предоставляется профессору Московского государственного университета, главному редактору журнала «Здравый смысл» Кувакину Валерию Александровичу.

Кувакин В.А.: Дорогая Нина Ивановна! Дорогие друзья, коллеги! Мне, наверное, будет труднее всего говорить по сравнению с учеными, коллегами Виталия Лазаревича по физике, потому что мне приходится говорить слова, которые может сегодня произнести только очень мужественный, смелый, негибаемый человек...

Слово предоставляется академику Михаилу Яковлевичу Марову - Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша.

Маров М.Я. Он был одним из, может быть, главных критиков в постановке тех первых экспериментов, которые предлагались на

наших космических аппаратах. Мы после этого многократно встречались. Но одно событие осталось совершенно незабываемым в моей жизни. И я считаю это громадным подарком судьбы. В 1976-м году в Гренобле во Франции проходила Генеральная Ассамблея Международного астрономического союза. Делегацию возглавлял академик Амбарцумян, в делегации было, наверное, где-то более 20-ти человек. Примерно конгресс продолжался около двух, должен был продолжаться около двух недель. В конце первой недели вдруг ко мне подошел Виталий Лазаревич и предложил, сказал: «Михаил Яковлевич, а что нам здесь делать, в Гренобле? Полетели в Париж». Ну, я сказал: «Виталий Лазаревич, ну, сочту за честь». И мы действительно на следующий день оказались в Париже. И дальше Виталий Лазаревич сказал: «Знаете, что? Ну, у вас на гостиницу деньги доктора наук, у меня - академические. Давайте жить вместе в приличном отеле. И вообще проведем эту неделю в Париже как белые люди», - это буквально были его слова. И мы сняли номер в гостинице на Авеню-Опера в Лувр-Конкорт, и это для меня была абсолютно незабываемая неделя. Мы жили вместе эту неделю, мы смотрели красоты Парижа, мы съездили, так сказать, ну, для того, чтобы оправдать наше пребывание в Сакле, прочитав лекции. Там тогда работал наш выдающийся ученый Сергей Иванович Сыроватский. И самое главное, что запомнилось - это бесконечные разговоры, разговоры о физике, а самое главное - разговоры о философии жизни. Тогда только вышло первое издание его книжки о физике и астрофизике. У меня была масса вопросов, и я никогда не черпал столько мудрости из первых уст. Глубина этой личности абсолютно бесконечна. И вы знаете, у меня было много по жизни выдающихся учителей, но Виталия Лазаревича я сохранил

как эталон честности, преданности науке, бескомпромиссности. И я благодарен судьбе, что был рядом с этим человеком. Спите спокойно, Виталий Лазаревич.

-Дорогие коллеги, мы переходим к заключительной фазе. Слово предоставляется члену-корреспонденту Кузнецову Владимиру Дмитриевичу - директору Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН (ИЗМИРАНа)

Кузнецов В.Д.: Выдающийся физик и выдающийся гражданин нашей страны Виталий Лазаревич Гинзбург был также выдающимся учителем научной школы, которая воспитала не одно поколение физиков. Я помню совершенно блестящие лекции Виталия Лазаревича перед студентами физтеха, которые вызывали огромный интерес и побуждали нас всех заниматься теоретической физикой. Мы, многие, благодарны, бесконечно благодарны Виталию Лазаревичу за то, что он зажег в нас этот огонь. Для нас, молодых тогда физиков, огромное, колоссальное значение, ну, не только для молодых - для всех - имел значение его совершенно уникальный семинар, сама атмосфера которого была уже очень хорошей школой, а возможность выступить на таком семинаре была знаменательным событием не только для молодого ученого. У Виталия Лазаревича было много учеников. Он сам работал со студентами, с аспирантами. Он помогал всем, кто умел и хотел работать. Наш долг - сохранить наследие Виталия Лазаревича и дальше развивать физику. Низкий поклон вам, дорогой Виталий Лазаревич, и вечная память.

-Слово предоставляется доктору физ.-мат. наук Михаилу Андреевичу Васильеву - директору теоротдела ФИАН для зачитания, для ознакомления с телеграммами и соболезнованиями.

Васильев М.А.: Я представляю теоротдел и вначале хотел сказать несколько слов от теоретического отделения теоретической физики, как он сейчас называется. Мы прощаемся с крупнейшим ученым, с ученым с большой буквы сегодня и с выдающейся личностью, личностью мирового масштаба. И мы гордимся тем, что мы работаем в ФИАНе, в отделении теоретической физики в особенности, потому что Виталий Лазаревич всю свою жизнь проработал в ФИАНе и возглавлял теоротдел на протяжении 17-ти лет. Теоротдел сегодня состоит в основном из учеников Виталия Лазаревича, учеников учеников Виталия Лазаревича и их учеников. И поэтому эта потеря для нас особенно тяжела. Виталий Лазаревич для нас, и не только для нас для всех, может быть, кто здесь присутствует, это патриарх. И, как уже сегодня говорилось, действительно ощущение такое, что закончилась целая эпоха - эпоха Гинзбурга в теоротделе и далеко за рамками теоротдела. Мы благодарны Виталию Лазаревичу за всё то, что он нам дал. Мы будем его всегда помнить и постараемся соответствовать тому уровню, который он задавал. Я хочу от имени сотрудников отделения и от имени сотен, а, может быть, тысяч людей, ученых и не только, выразить соболезнования Нине Ивановне, Ирине Витальевне, всем близким, родным Виталия Лазаревича. Мне поручено ознакомить с письмами соболезнования, которые пришли и продолжают приходить в ФИАН в связи с этим скорбным событием. Этих писем десятки и, наверное, уже сотни, они продолжают приходить. Я не в состоянии зачитать все эти письма. Я

прочту только одно письмо, а остальные перечислю. Значит, это письма, которые приходят как от организаций, институтов и просто от людей, далеко не всегда - физиков, кстати говоря. Единственное письмо, которое я зачитаю, это следующее. «Уважаемая Нина Ивановна! Российская наука понесла огромную потерю: ушел из жизни великий ученый, академик РАН, Нобелевский лауреат Виталий Лазаревич Гинзбург. Это имя олицетворяет целую эпоху в истории физики, время грандиозных открытий и прорывов, на многие годы определивших развитие фундаментальных основ и передовых прикладных направлений в данной области научного знания. Мы прощаемся с выдающейся личностью, чей незаурядный талант, исключительная сила характера и твердость убеждений всегда будут вызывать неподдельное уважение коллег, учеников и последователей. Прошу передать слова искреннего сочувствия и поддержки всем родным и близким Виталия Лазаревича. В. Путин».

А, кроме того, как я сказал, имеется масса писем и соболезнований, и, пожалуй, я просто хотел бы сказать вначале, что во всех из них отдается должное личности Виталия Лазаревича как ученого и как гражданина. Пожалуй, я просто перечислю. Значит, из писем организаций, кроме письма от правительства, которое я зачитал, имеются письма от Совета Федерации, подписанное Мироновым, от Президиума РАН, подписанное Осиповым, от РФФИ - Панченко, Национальная академия Украины - академик Потон. Имеется письмо от Государственной думы, подписанное Жириновским. Имеется письмо от мэра Москвы Лужкова. Имеется письмо от Отделения физических наук, подписанное Матвеевым, Отделения энергетики и машиностроения процессов управления РАН - Фортов и другие академики; Отделение нанотехнологий и информационных

технологий - академик Велихов; Отделение физики и астрономии Украины - академики Локтев и Таращенко; Отделение химии и наук о материалах - академик Тартаковский; Российская корпорация нанотехнологий - Чубайс. Здесь я хотел бы добавить, что Анатолий Борисович сейчас хотел быть здесь, но его нет в стране, и он прислал своего представителя с тем, чтобы выразить не только письменно, но и максимально свои соболезнования. Руководитель Федерального агентства по наукам и инновациям Мазуренко; Посольство Швеции в Москве - посол Томас Бертельман; Посольство России в Финляндии - Румянцев; издательство «Большая российская энциклопедия» - Кравец; первый заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы Швецова; председатель Комитета Государственной думы Косачев; председатель ЦИК Чуров. Кроме этого, имеется обширный список институтов, которые прислали свои соболезнования, и я тоже их перечислю просто. Здесь имеются письма от Института Ландау - Лебедев; Институт физических проблем - от просто группы физиков; Институт прикладной физики РАН - академик Литвак и академик Гапонов-Греков; Физический институт имени Иоффе - академики Варшелович, Греков, Каплянский, Сурис; Институт ядерной физики имени Буттера - группа академиков, в том числе академик Скрынский; Санкт-Петербургский академический университет - академик Алферов; Президиум Санкт-Петербургского научного центра РАН - академик Алферов тоже; Объединенный институт ядерных исследований - подписано: академик Сасикян. В том числе, имеются отдельные письма от отдельных лабораторий этого института - от лаборатории нейтронной физики, лаборатории теоретической физики, от научного совета по проблеме ускорителя

заряженных частиц. Российский федеральный ядерный центр - академик Илькаров??. Институт сильноточной электроники - академик Ковальчук; Институт физики высоких энергий - Тюрин; Нижегородский государственный университет имени Лобачевского - Чупрунов; Нижегородский государственный университет... радиофизический факультет того же университета - Якимов; Институт физики металлов Уральского отделения - академик Устинов; Институт физики полупроводников Эмиржанова - академик Асеев; лаборатория теоретической физики Сибирского отделения РАН и Новгородского государственного университета - Гинзбург, Серго, Коткин; Институт прикладной астрономии - Фенкельштейн; Пулковская обсерватория - Степанов; Крымская астрофизическая обсерватория; Северо-Западная секция содействия развитию экономической науки; Институт физики Земли; кафедра общей физики и астрофизики Ереванского государственного университета; теоретики ИТЭФ - подписано: Иоффе, Кайладов, Канчелия; Государственный оптический институт имени Вавилова - Герасимов; химический факультет Санкт-Петербургского государственного университета - Столяров; Институт горного дела Севера имени Черского; Институт физики имени Теренского Сибирского отделения РАН; Институт физики микроструктур РАН; Институт космофизических исследований; лаборатория теории полупроводников и квантовой электроники Института прикладной физики Молдовы; Научно-исследовательский радиофизический институт - Снегирев; Казанский университет; Ассоциация планетариев; Российская лаборатория химической физики сложных оксидов - Институт химической физики имени Семенова; Институт химии силикатов. Имеются соболезнования от зарубежных

институтов, в том числе от Института Нельса Бора и Международной академии Нельса Бора, от Института физики в Израиле. И, повторяю, соболезнования продолжают приходить. В том числе, имеется большое количество соболезнований от просто персонально присланных отдельными людьми, часть из которых прекрасно знала Виталия Лазаревича, и от его друзей. Ну, и приходят письма от тех, кто, быть может, с ним непосредственно не сталкивался, но относится с уважением к его достижениям в науке и в его гражданской деятельности. Просто перечислю: академик Юрий Парийский, академик Владимир Захаров, академик Рашид Сюняев, академик Лев Горьков, Евгений Кузнецов, Елена Боннер, Мальком Онгеер, Арнольд Лофендейл - это 14-й астроном королевский в Англии, Андрей Линде, Рената Калыш, Даниил Хомский, Дмитрий Хмельницкий, Вячеслав Муханов, Владимир Догель, Анатолий Шабат, Олег Одиевский, Максим Цикан, Армен и Карен Кочаряны, Кривошей, Исаак Берсукер, Михаил Каплан, Олег Мороз, Евгений Мелихов, Бейрон Зон, Андрей Калер, Владимир Кошкин, Инна Осипова, Валерий и Елена Винокур, Анна и Григорий Карнаухины, Мария Аксентьева, которая выступала здесь, тоже прислала письмо, Марк Курельман, Людмила Копейкина. Еще совсем недавно, сегодня, пришли письма от Березинского - ученика Виталия Лазаревича, и Роальда Сагдеева. И эти письма продолжают поступать. Нина Ивановна, я хотел от имени всех этих людей еще раз выразить вам свои соболезнования. Я передаю Вам эти письма. Держитесь.